

УДК 316.35

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФOLK-КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Гаврилюк Т.В.

ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный нефтегазовый университет»,
Тюмень, e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

В статье анализируется фолк-движение как новая форма молодёжной солидарности. Уточняются понятия «фолк», «неофолк», «народная культура», «фолк-движение», «молодёжное движение» и описывается их взаимосвязь. С позиции конструктивистского подхода исследуются свойства славянского фолк-движения как с учётом глобальных тенденций, так и в контексте социокультурного пространства современной России. Было установлено, что славянская фолк-культура представляет собой самостоятельный социокультурный феномен, который не может быть интерпретирован как часть народной культуры. В статье подчёркивается противоречивость исследуемого феномена, с одной стороны, демонстрирующего консервативный поворот российской культуры, с другой стороны – обладающего постмодернистскими чертами. Подчёркиваются скрытые риски популяризации данного феномена в форме молодёжного движения. В работе аргументируется необходимость и целесообразность проведения качественных эмпирических исследований при дальнейшем анализе проблемы.

Ключевые слова: фолк, неофолк, фолк-культура, фолк-движение, молодёжное движение, постмодерн, консерватизм, конструктивизм, феноменология

FOLK CULTURE IN CONTEMPORARY RUSSIA AS A RESEARCH PROBLEM

Gavrilyuk T.V.

Tyumen State Oil and Gas University, Tyumenskij Gosudarstvennij Neftegazovij Universitet, Tyumen,
e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

Purpose of this conceptual paper was to study the folk movement as a new form of youth solidarity. The discrepant features of the Slavic folk movement were analyzed using the approach of social constructionism. Concepts «folk», «neofolk», «folk culture», «folk movement», «youth movement» were explicated. Both global tendencies and specifics of modern Russian sociocultural space were taken into consideration in the research. It was found that modern Slavic folk culture as a part of city space is constituted with different kinds of subcultural associations. The research emphasized the contradictoriness of its subject area, which seems to display a conservative turn of Russian culture, but includes traits of postmodernity as well. This discourse, however, does not finish on theoretical stage, but needs to be interpreted using empirical data acquired with qualitative research methods.

Keywords: folk, neofolk, folk culture, folk movement, youth movement, postmodernity, conservatism, constructionism, phenomenology

Глобальное социокультурное пространство изо дня в день умножает возможные альтернативы культурного выбора, доступные индивидам и группам. Вместе с тем распад некогда существовавшей упорядоченной системы ценностей и ориентиров, которую принято называть «ядром культуры», усложняет процесс поиска верной жизненной траектории, порождая новые, зачастую эклектичные культурные формы и новые типы солидарностей в молодёжной среде. Кроме того, одной из существенных черт информационной эры является хаотичное поглощение художественных стилей всех предшествующих эпох, смысловое перекодирование традиционных культурных элементов, их включение в не свойственные им изначально дискурсы и практики. С одной стороны, этот процесс даёт индивидам невиданные ранее возможности дифференциации жизненных стилей, с другой – провоцирует ностальгию по ушедшим культурным формам, стремление перенести чётко структурированную систему идеа-

лов и жизненных форм, существовавшую в прошлом, в реалии современного города. Особенно отчётливо эта тенденция проявляется в субкультурном пространстве.

В последние годы наблюдается всплеск интереса к народной культуре, появляется множество субкультурных групп, использующих этнические элементы в музыке, костюме, символике, ритуалах, игровых практиках. На наш взгляд, подобного рода сообщества целесообразно именовать интегративным понятием «фолк-культура». Его значение определим следующим образом: фолк-культура – это движение, объединяющее субкультуры поклонников фолк-музыки, занимающихся реконструкцией этнических культурных форм. Целью данной статьи является постановка проблемы исследования феномена русского фолк-движения, интерес к которому обусловлен как его массовостью и растущей популярностью в молодёжной среде, так и рисками, связанными с его политизацией, усиливающейся пропагандой националистических и фашистских идей.

Прежде всего, следует определить базовое для нашего исследования понятие «молодёжное движение». Часто его используют в контексте политических целей и интересов больших социальных групп молодёжи, борющихся за изменение существующей социальной реальности. В нашем исследовании предлагается иная трактовка этого понятия в социокультурном контексте – как конгломерат субкультур, объединённых общностью визуальной, музыкальной или художественной стилистики, форм и способов проведения досуга, обладающих общим смысловым, семиотическим полем и единым информационным пространством.

Фолк-культура как конгломерат субкультур с подвижными границами, изменчивым членством, фрагментированной идентичностью и различными мировоззренческими ориентирами её представителей – новый объект исследования, нуждающийся в разработке особой концептуальной схемы анализа. Отдельные аспекты, связанные с существованием и функционированием включённых в данное движение субкультур (например, ролевиков, реконструкторов) были проанализированы в отечественной социологии, в частности в работах Б.В. Куприянова, А.Е. Подобина [2], Д.В. Орлова [3], Д.Б. Писаревской [4]. Социальное значение фолк-музыки мало изучено в России. Если за рубежом данной проблематике посвящено множество исследований, среди которых можно выделить работы таких авторов, как Р. Денисофф [8], Е. Кошкофф, С. Кьюсэк [12], Дж. Эдженс [9], Е.С. Чмирис [6] и др., с 1955 года существует международная исследовательская ассоциация «Society for Ethnomusicology» и издаётся журнал «Ethnomusicology» (<http://www.ethnomusicology.org/>), посвящённый анализу функционирования фолк-музыки в социокультурном контексте, то в отечественной социологии эта тема практически не представлена. Особо следует отметить усилившийся в 1990–2010-е гг. интерес зарубежных авторов к изучению взаимосвязи фолк-музыки и пропаганды нацизма [14, 15].

Теоретико-методологическим фундаментом нашего исследования является конструкционистская парадигма, общие принципы которой лежат в феноменологии А.Шюца. Обратимся к исследованию фолк-культуры как феномена сознания её представителей и феномена социальной реальности. Прежде всего, следует эксплицировать базовое понятие «фолк». Наиболее часто в повседневности слово «folk» используют применительно к музыкальному стилю, включающему в звуковой ряд элементы народных песен (от популярной му-

зыки до тяжёлого металла), и этническому стилю в одежде, воспроизводящему черты национального костюма. Достаточно часто встречаются в данной связи смежные понятия, объединяющие противоположные культурные сферы, например, понятие «неофолк» («neofolk»), в широком значении тождественное современной фолк-музыке в целом, в узком – представляющее собой экспериментальный подстиль, сочетающий элементы этнической музыки, индастриала и классики.

Принципиально разделение понятий «фолк-культура» и «народная культура»: первая является частью современного городского культурного ландшафта, имеет эклектичный характер, экспериментальна, динамично развивается в информационном обществе; вторая – аутентичный источник её «вдохновения», этническая культура традиционного общества, почти полностью утраченная на сегодняшний день ввиду отсутствия социальных условий её функционирования. Следовательно, «фолк-культура» – это знаковая система второго порядка, надстраиваемая над собственно этнической субкультурой. Игнорируя исходные функции присвоенных символов или артефактов, она переносит их в иной социокультурный контекст и наделяет новым значением. Поэтому фолк-культуру во всех её разновидностях нельзя интерпретировать как часть народной культуры, эти феномены принципиально отличны друг от друга – и генетически, и функционально. Современная русская (или шире – славянская) фолк-культура представляет собой знаковую систему, у которой отсутствует референт. Следовательно, мы имеем дело не с возрождением исконно русских бытовых практик, ритуалов и художественных форм, а с их имитацией и попыткой реконструирования. Этот вывод применим и к ценностно-нормативной основе фолк-движения, имеющей псевдоконсервативный характер. Консерватизм его представителей является симулякром ввиду длительного разрыва традиции как этнических славянских субкультур, так и национальной культуры в целом в период существования СССР.

Так каковы же механизмы перекодирования элементов народной культуры? Данный процесс следует рассматривать на трёх уровнях:

1. Влияние глобальных тенденций социокультурной динамики, в частности так называемого «фолк-возрождения», имеющего место в западной массовой культуре и искусстве и выражающегося во всплеске интереса к этнике в XX в. Особенно ярко этот процесс нашёл отражение в музыке

[7, 10]. Данное явление можно считать частью «ретроспективной глобализации» культуры (термин Б.М. Бернштейна) – вовлечения в мир искусства артефактов и практик, изначально ему чуждых, например, архаических форм, сохранившихся в традиционных культурах или в субкультурных нишах, где они получают новые функции и интерпретируются в системе его понятий и ценностей [1, с. 280].

2. Целенаправленное воздействие государства через СМИ и другие социальные институты: защита этнических культур как часть государственной культурной политики, включение видимых маркеров этничности в массовую культуру, опора на национальные архетипы в конструировании имиджа политических деятелей и др.

3. Самоорганизация культурного пространства, формирующая «фолк-движение». Особого внимания заслуживает изучение функционирования фолка в пространстве молодёжной культуры.

Все три процесса неразрывно связаны. Так, государственная политика с её выраженным акцентом на продвижение в широкие слои населения симулякров народной культуры способствует популяризации фолка в самых разнообразных его формах, приданию ему статуса интегрирующей силы. В свою очередь, люди, объединённые сходными интересами, произвольно интерпретируют усвоенные ценности и идеи, вписывают их в собственный жизненный мир, наделяя прежде закрытые культурные сегменты новым смыслом, который со временем замещает как аутентичные, так и заданные идеологией значения.

Фолк-культура парадоксальным образом сочетает в себе элементы модернистской и постмодернистской эпохи. С одной стороны, очевидна декларируемая оппозиционность глобальному маскульту, постмодернистские тенденции, стремление к реставрации консервативного сознания в молодёжной среде. Можно выделить ряд характеристик «фолк-движения», подтверждающих этот вывод:

1. Стремление к идентичности, «оправданной Абсолютом» (выражение М.Эпштейна [5]) и тоска по метанарративу. Контркультурный взрыв, нигилизм и тотальная деконструкция авторитетов уже в прошлом, «общество потребления» в столице уже наскучило, а во многих провинциальных городах России – ещё не наступило. Вечные вопросы, смыслы, ценности вновь массово волнуют молодёжь. В частности, в рамках фолк-культуры одним из центральных становится дискурс «русской идеи», на сегодняшний день существующий в мифо-

логической (неоязыческой), православно-имперской и ультраправой форме.

2. Ориентация на лидера. Фолк-культуру нельзя назвать тяготеющей к индивидуализации, скорее наоборот – солидарность становится искомым состоянием. Для её представителей характерен поиск «героя», способного быть эталоном действия, что является характерной чертой мифологизированного сознания. Герой может быть различным – от славянского языческого божества до неонацистского идеолога.

3. Оппозиция «транскультурному слою» (термин М. Эпштейна [5]). Транскультурный слой – понятие многозначное, включающее в себя как продвинутых интеллектуалов-космополитов, свободно экспериментирующих с собственной идентичностью, так и людей, с аналогичной целью готовых к деконструкции своих природных данных и предписанных статусов, таких как раса, нация, пол. Подобное мировоззрение и образ жизни прямо противоположны логике представителей фолк-движения, сознательно замыкающих идентичность в границы этнической культуры.

4. Стремление к гегемонии в противовес идеям толерантности и мультикультурализма. В русле борьбы с глобализирующим влиянием Запада, фолк-движение настаивает на приоритете национального, понимаемого как этнически-славянское. Это даёт почву быстрому распространению ксенофобии и национализма в среде субкультур, в него включённых.

Несмотря на указанные тенденции, в данном социокультурном феномене прослеживается и множество типично постмодернистских черт:

1. Самореферентность. Как уже было сказано, фолк-культура не является частью народной культуры, как не является и её «возрождением».

2. Фолк-движение критично по отношению к современному мироустройству, но в нем нет ни упадничества, ни контркультурности. Напряжение, вызванное рассогласованием темпоральностей (фолк отсылает к прошлому, но люди, им увлеченные, живут в настоящем) снимается посредством игрового характера большинства присутствующих в нём практик. Открытый протест же выражается лишь тогда, когда переходит в политическое поле.

3. Экономические аспекты существования фолк-движения полностью вписываются в постмодернистскую логику. По Д. Харви, сегодня с целью увеличения потребления экономические отношения проникают во множество досуговых сфер [11]. Несмотря на декларируемое стремление

к солидарности на почве общей этнической принадлежности, представители сообщества активно используют маркетинговые возможности индивидуализированного рынка – изготовление костюмов на заказ, продвижение музыки через независимые лейблы, заказ атрибутики через Интернет и т.д.

4. Виртуализация. Информационные технологии (Интернет-сайты, страницы в социальных сетях, игры и т.д.) являются цементирующей силой фолк-движения.

5. Театральность. Проникновение игровых практик во все сферы общественной жизни не может не отразиться на сознании и поведении молодёжи. Дионисийская эстетика фолка, будоражащая мелодика, разгульные пляски, народные костюмы, выполненные зачастую в современной китчевой или фрик-эстетике, позволяют считать это движение не просто игровым сообществом, но одной из форм современной «балаганной культуры».

Указанные противоречивые качества исследуемого движения делают его актуальным объектом не только теоретической рефлексии, но и эмпирических исследований, как в политическом поле – в его связи с тематикой молодёжного патриотизма и национализма, так и в контексте феноменологии культуры.

Список литературы

1. Бернштейн Б.М. Три стрелы глобализации искусства // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». – Вып. № 12. – СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 278–281.
2. Куприянов Б.В., Подобин А.Е. Очерки общественной педагогики: ролевое движение в России. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. – 104 с.
3. Орлов Д.В. Субкультура ролевиков в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2009. – 19 с.
4. Писаревская Д.Б. Феномен субкультуры ролевых игр в современном обществе: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – М., 2009. – 263 с.
5. Светлой памяти постмодерна посвящается... Михаил Эпштейн и Валерий Савчук // Художественный журнал, № 64. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/64/epshtein-savchuk/> (Дата обращения: 12.04.2014).
6. Чимирис Е.С. Нео-фолк versus рок. Культурные и институциональные основания политической нестабильности в Сербии // Политика. – 2008. – № 4 (51). – С. 86–94.
7. Cohen R.D. Rainbow Quest: The Folk Music Revival & American Society, 1940–1970. Amherst: University of Massachusetts Press, 2002.
8. Denisoff R.S. Great Day Coming: Folk Music and the American Left. Urbana: University of Illinois Press, 1971.
9. Egenes J. The remix culture: How the folk process works in the 21st century. PRism 7(3). URL: http://www.prismjournal.org/fileadmin/Social_media/Egenes.pdf (Дата обращения: 12.04.2014).
10. Eyerman R., Barretta S. From the 30s to the 60s: The folk Music Revival in the United States // Theory and Society: 25 (1996): 501–43.
11. Harvey D. The condition of Postmodernity. – Oxford: Blackwell, 1990.
12. Koskoff E., Cusick S.A. feminist ethnomusicology: writings on music and gender. – Urbana: University of Illinois Press, 2014.
13. Potter P. Most German of the Arts: Musicology and Society from the Weimar Republic to the end of Hitler's Reich. – New Haven: Yale University Press, 1998.

14. Shekhovtsov A. Apoliteic music: Neo-Folk, Martial Industrial and «metapolitical fascism» // Patterns of Prejudice, Vol. 43, Issue 5 (December 2009), P. 431–457. URL: http://www.shekhovtsov.org/articles/Anton_Shekhovtsov-Apoliteic_Music-Russian.html (Дата обращения: 12.04.2014).

15. Sweers B. The power to influence minds: German folk music during the Nazi era and after // Annie Janeiro Randall (ed.), Music, Power, and Politics. – New York: Routledge 2005. – P. 65–86.

References

1. Bernstein B.M. *Tri Strelki Globalizatsii Iskusstva* [Three arrows of art globalization]. *Metodologia Gumanitarnogo Znaniya V Perspektive XXI Veka K 80-letiyuprofessora Moiseya Samoilovicha Kagana Materiali Mejdunarodnoi Nauchnoi Konferencii* (Proc. 18th May 2001, Saint Petersburg). no. 12, Saint Petersburg, 2001, pp. 278–281.
2. Kupriyanov B.V., Poodobin A.E. *Ocherki Obshestvennoi Pedagogiki Rolevoe Dvijenie V Rossii* [The essays about social pedagogy: the role-play movement in Russia]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova, 2003. 104 p.
3. Orlov D.V. *Subkultura Rovevikov V Sobremennom Rossiyskom Obshestve Aforef Dis Kand Soc Nauk* [The role-play subculture in modern Russian society: the abstract of Candidate of Sociology dissertation]. Saratov, 2009. 19 p.
4. Pisarevskaya D.B. *Fenomen Subkulturi Rolevih Igr V Sobremennom Obshestve Dis Kand Ist Nauk* [The role-play subculture phenomenon in modern society: dissertation of Candidate of Sociology]. Moscow, 2009. 263 p.
5. Svetloy Pamyati Postmoderna Posvyashaetsya Mikhail Epshtein Valeriy Savchuk [Dedicated of blessed memory of Postmodern... Michael Epshtein and Valery Savchuk]. *Khudozhestvennyy Jurnal* [The Art Journal], no. 64. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/64/epshtein-savchuk/> (Date of view: 12.04.2014).
6. Chimiris E.S. *Neo Folk Versus Rok Kulturnie I Institutionalnie Osnovaniya Politicheskoy Nestabilnosti V Serbii* [Neo-folk versus Rock: cultural and institutional base of the political instability in Serbia], *Politia*, no. 4 (51), 2008. pp. 86–94.
7. Cohen R.D. *Rainbow Quest: The Folk Music Revival & American Society, 1940–1970*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2002.
8. Denisoff R.S. *Great Day Coming: Folk Music and the American Left*. Urbana: University of Illinois Press, 1971.
9. Egenes J. The remix culture: How the folk process works in the 21st century. *PRism* 7(3). URL: http://www.prismjournal.org/fileadmin/Social_media/Egenes.pdf (Date of View: 12.04.2014).
10. Eyerman R., Barretta S. From the 30s to the 60s: The folk Music Revival in the United States. *Theory and Society*: 25 (1996): 501–43.
11. Harvey D. *The condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell, 1990.
12. Koskoff E., Cusick S.A. *feminist ethnomusicology: writings on music and gender*. Urbana: University of Illinois Press, 2014.
13. Potter P. *Most German of the Arts: Musicology and Society from the Weimar Republic to the end of Hitler's Reich*. New Haven: Yale University Press, 1998.
14. Shekhovtsov A. Apoliteic music: Neo-Folk, Martial Industrial and «metapolitical fascism» // Patterns of Prejudice, Volume 43, Issue 5 (December 2009), pp. 431–457. URL: http://www.shekhovtsov.org/articles/Anton_Shekhovtsov-Apoliteic_Music-Russian.html (Date of view: 12.04.2014).
15. Sweers B. The power to influence minds: German folk music during the Nazi era and after // Annie Janeiro Randall (ed.), *Music, Power, and Politics*. New York: Routledge 2005, pp. 65–86.

Рецензенты:

Беспалова Ю.М., д.ф.н., профессор кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, г. Тюмень;

Мехришвили Л.Л., д.соц.н., главный ученый секретарь, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень.

Работа поступила в редакцию 15.07.2014.